

5. Политика в области культуры и религии

Обычно нэп считается периодом культурной, идеологической, социальной и экономической разрядки между двумя очень напряженными эпохами. В целом эта оценка верна, хотя с некоторыми оговорками для большей части страны, где происходили незначительные и постепенные изменения. Для неславянского населения, и в частности для мусульман, особенно с 1925 г. нэп был периодом «худжума» («наступления по всем фронтам») в рамках общей стратегии разрыва с прошлым. Новая власть стремилась к единообразию и хотела выровнять различные стадии развития регионов внутри СССР.

Начало в 1921 г. постепенных и умеренных изменений способствовало разрыву противоречивой культурной политики, сочетавшей репрессии по отношению к «уклонистским» идеологиям с относительным нейтралитетом применительно к художественному творчеству и литературе (конечно, не антимарксистских по содержанию) и по-прежнему принудительным просвещением масс, менее догматичным, но быстро ставшим и менее «эффективным».

6 июня 1922 г. декрет определил компетенции Главлита (цензуры), обязанного осуществлять предупредительный и репрессивный контроль за враждебными выпадами против марксизма и культурной революции, за пропагандой национального и религиозного фанатизма, распространением ложных сведений и порнографии. На следующий год к Главлиту прибавился Главрепертком для контроля за репертуаром театров. В конце августа 1922 г. 160 деятелей культуры, названные «особо активными контрреволюционными элементами», по приказу ГПУ были высланы из СССР или отправлены в Сибирь. В первые годы нэпа особым репрессиям подверглись священнослужители. 23 января 1918 г. советская власть обнародовала закон об отделении церкви от государства и школы от церкви, согласно которому церковь уже не была «юридическим лицом», не имела права на собственность, права получать субсидии и вести обучение в государственных и частных школах. Она могла бесплатно пользоваться культовыми сооружениями и предметами, а также свободно отправлять религиозные обряды, если они не нарушали общественного порядка. Каждый гражданин был свободен в выборе религии, которую он мог исповедовать или не исповедовать. Иерархи церкви сочли этот закон (имеющий определенные аналогии с французским законом 1905 г.) неприемлемым. Патриарх Тихон предал коммунистов анафеме. Священнослужители были объявлены «классовыми врагами» и стали жертвами репрессий, поскольку во время гражданской войны они часто оказывали поддержку контрреволюционерам.

По окончании гражданской войны власти предприняли новые меры против церкви. В феврале 1922 г. государство конфисковало у церкви драгоценности на борьбу с

голодом. Соппротивление священников и верующих вызвало волнения, за которыми последовали процессы и казни. В июле 1922 г. группа священников, готовых сотрудничать с советской властью, оформилась в течение «живой церкви». Ее представители провели в 1923 г. Собор, который отменил патриаршество и рекомендовал церкви приблизиться к нуждам народа. Этот раскол вынудил каждого священника сделать для себя выбор. 28 июня 1923 г. патриарх Тихон признал законность советской власти. Тем не менее большевики были непоколебимы по отношению к церкви и развернули антирелигиозную кампанию. В 1925 г. в нее включился «Союз безбожников», основанный Е. Ярославским. Государство всячески поддерживало издание разнообразной атеистической литературы (издательство «Атеист», иллюстрированная газета «Безбожник», тираж которой к концу 20-х годов достиг 500 тыс. экземпляров, псевдонаучный журнал «Антирелигиозник»). Антирелигиозная пропаганда велась разными путями, высмеивая веру и обычаи (коммунистическая пасха, парады и карнавалы во время религиозных праздников) и стремясь показать превосходство науки и разума. После смерти патриарха Тихона в апреле 1925 г. выборы нового патриарха не состоялись. Его обязанности взял на себя митрополит Петр, высланный в 1926 г. в Сибирь, а затем митрополит Сергей, призвавший в июне 1927 г. к «подчинению законной власти России». Против этого выступила группа священников, объединившаяся вокруг митрополита Иосифа (многие из них были отправлены на Соловки). В то время как церковь разделилась в отношении к власти, последняя усилила контроль местных властей за еще существующими приходами, издав 8 апреля 1929 г. соответствующий декрет. Введение в августе 1929 г. продолжительной рабочей недели (5 рабочих дней, один день выходной), по сути, упразднило воскресенья и религиозные праздники. Начался новый виток репрессий, связанных с крестьянскими волнениями, сопровождавшими коллективизацию деревни начиная с 1928 — 1929 гг.

«Методы марксизма — не методы искусства... Область искусства не такая, где партия призвана командовать. Она может и должна оказывать условный кредит своего доверия разным художественным группировкам, искренне стремящимся ближе подойти к революции, чтобы помочь ее художественному оформлению», — писал Троцкий. В 20-е годы советская власть еще не определила четкого отношения к «лефтовцам» («Левый фронт»), авангардистам, футуристам, пролеткультовцам (которые отбрасывали «буржуазное» искусство и проповедовали самостоятельную пролетарскую культуру, отвергавшую как связь с прошлым, так и партийную опеку) и попутчикам (не причисляющим себя ни к какому направлению). В этом смысле нэп был периодом исключительного расцвета всех областей духовной жизни.

Резко контрастируя с блестящей интеллектуальной жизнью интеллигенции, культурный уровень масс поднимался крайне медленно. В марте 1922 г. Ленин писал: «У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Это было время, это была полоса... Но эта полоса прошла, а мы этого не хотим понять». Как и в других статьях последних лет (1922 — 1923 гг.), Ленин отмежевывался от той концепции «просвещения масс», которая превалировала во время гражданской войны. Тогда «просвещение» чаще всего сводилось к поверхностной идеологической обработке и к поспешному и неглубокому схватыванию начатков культуры, в основном в армии. Ленин считал необходимым взять от культурного наследия России все самое «прогрессивное» и заняться обучением масс на более широкой основе. Только поднятие общего культурного уровня могло покончить с отсталостью страны и довести до сознания людей политические задачи. В то же время Ленин отвергал любую идею самостоятельного и независимого развития народной культуры. Как это повелось с 1917 г., обучением масс должны были руководить власти, определяя, какую следует выбрать учебную программу или книгу для чтения.

С введением нэпа выбор книг стал разнообразнее, ослаб политический контроль. Госиздат уже не обладал монополией на книгоиздательское дело. Вновь возникли частные издательства, выпускающие произведения русских, советских и зарубежных авторов. Двадцатые годы были уникальным временем в истории Советского государства, когда тираж книг частично определялся запросами читателей. Количество политической литературы резко сократилось. В 1927 г. ее доля составила менее 15% от всех печатных изданий (не считая газет), а это уже было «плачевно».

Обучение грамоте не двигалось с места, несмотря на усилия, предпринимаемые в армии и обществом «Долой неграмотность». С самого начала эта организация добровольцев оказалась несостоятельной из-за отсутствия средств. Цель была настолько грандиозна, что обучение приходилось вести выборочно. В 1924 г. в Смоленской области (2,5 млн. жителей, из них 58% неграмотных) только 4500 — в основном молодые рабочие-профсоюзники — обучались грамоте. По переписи 1926 г. выяснилось, что 55% сельского населения старше 9 лет (сельские жители составляли более $\frac{4}{5}$ населения) не умели читать. Понятно, что в таких условиях идеологическое влияние затруднялось. Об этом красноречиво свидетельствовало распространение газет на селе: в зависимости от района одна газета приходилась на 200 либо 1000 взрослых. За исключением крупных городов, печатное слово занимало ничтожное место в сознании огромного большинства советских людей. Политическая неграмотность как следствие всеобщей неграмотности, особенно среди тех, кто должен был посредничать между властью и народом, затрудняла распространение политического влияния: более чем 90% членов партии в конце 20-х годов имели только начальное образование; 70% из них вообще не читали газет. Такое положение не замедлило сказаться на ходе политических споров.